

А. М. ЩЕРБАК

О МЕТОДИКЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА

I. Хорошо известно, что вплоть до настоящего времени нет строгой единообразной методики морфологического описания языка и что широко используемые приемы обработки грамматического материала не обеспечивают достаточно высокой точности и объективности получаемых результатов. Показательна, например, классификация частей речи, производимая с одновременным учетом логико-семантического, синтаксического и морфологического признаков или на основе преимущественного выделения одного из них, как правило, логико-семантического, который не является чисто языковым признаком. Отсутствие единого объективного критерия систематизации языковых фактов в этом плане обусловливает наличие нескольких классификационных схем и порождает бесконечные споры по вопросу о целесообразности выделения той или иной части речи. При этом в качестве основных аргументов нередко выступают апелляции к здравому смыслу, и оценка той или иной схемы становится весьма субъективной. Следует также обратить внимание на неопределенность описания частных грамматических элементов, которое не проводит четкой границы между обозначаемым и обозначающим. Можно было бы привести и другие факты, свидетельствующие о тех или иных методических погрешностях, однако в этом нет необходимости, так как недостатки традиционной методики в специальной литературе рассматривались неоднократно.

Выдающуюся роль в формировании критического взгляда по этому вопросу и в поисках новых, более точных, приемов морфологического описания языка сыграл Ф. Ф. Фортунатов¹ и та группа его немногочисленных учеников и последователей, которую именуют обычно московской школой, например, В. Поржезинский, особо подчеркивавший необходимость разграничения неоднородных группировок². В более резкой форме критика указанных недостатков выражена у Л. Ельмслева³.

Из всего сказанного не следует, что традиционная грамматика не имеет никакого положительного значения и полностью изжила себя. Однако ясно, что методы, которыми она пользуется, не лишены серьезных недостатков и что поиски новых приемов морфологического описания языка не только оправданы, но и совершенно необходимы.

II. Выбор и оценка методических приемов тесно связаны с определением характера и границ исследуемого объекта и решением вопроса об исходном основании описания. В самом широком смысле объектом лингвистического исследования является, конечно, язык, в котором мы можем различать то, что представляет собой его собственную материю, т. е. план выражения, и то, что является и собственным и внешним для него, а именно значение. Различение в языке двух планов не опирается на какую-либо теоретическую концепцию, отрицающую связь обозначающего с

¹ См., например: Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение, в его кн. «Избранные труды», I, М., 1956, стр. 166; его же, О преподавании грамматики русского языка в средней школе, там же, II, М., 1957, стр. 446.

² В. Поржезинский, Введение в языковедение, 4-е изд., М., 1916, стр. 147.

³ Л. Нельмслев, Principes de grammaire générale, København, 1928, стр. 13.

обозначаемым. Оно является лишь исследовательским приемом, позволяющим представить язык как формальную структуру, используемую для передачи заданной совокупности значений.

Что касается исходного основания морфологического описания, то об этом можно высказать следующие соображения. Значение, или обозначаемое, не имеет строго соотнесенных четких границ, и возможность его строгого формулирования в каждом конкретном случае ограничена. Поэтому семасиологический подход недостаточно объективен, неудобен и не удовлетворяет целям экономного и точного изображения формальной структуры. Иначе обстоит дело с использованием в качестве от правной точки языковой формы. Последняя представляет собой набор определенных величин, которые можно охарактеризовать и с точки зрения их соотносимости (т. е. в парадигматическом плане) и со стороны последовательности расположения (в синтагме). Это обстоятельство обеспечивает возможность объективной оценки всех суждений, опирающихся на анализ самой формы. Таким образом, при морфологическом исследовании и описании языка целесообразнее исходить из плана выражения. Разумеется, различные аспекты взаимосвязи формы и содержания могут исследоваться и исходя из плана содержания, однако задачи такого исследования должны быть определены особо.

При выборе конкретных приемов морфологического описания языка необходимо учитывать функциональное и структурное своеобразие морфологических единиц. Морфемы — элементарные единицы морфологического уровня языка, обладающие главным образом функцией обозначения (*les unités significatives*). Так, о любой морфеме можно сказать, что она что-то обозначает и что ей соответствует определенный отрезок плана содержания. Морфемы не лишены и дифференциальной функции, ср. например, противопоставление именных и глагольных основ, так называемых нулевых и материально выраженных форм при выражении числа, падежа, вида, залога и других грамматических значений.

В тесной связи с функциональным своеобразием морфем находятся особенности их синтагматической и парадигматической структуры. Морфемы строго контекстуальны: они располагаются в потоке речи в определенной последовательности и характеризуются наличием определенных окружений. Возьмем, например, узб. *тaш-лар-бу* «камням». Морфема *-лар* (мн. число), выступающая в этом слове, никогда не может быть поставлена ни после морфемы *-бу* (дат. падеж), ни перед морфемой *таш* (именная основа), а возможность присоединения к морфеме *таш* морфемы *-ди* (прошедшее категорическое) или *-са* (условное наклонение) вообще исключена. Тенденция иметь строго определенное окружение и выступать в строго определенной последовательности лежит в основе распределения морфем по парадигматическим рядам и классам, ср. класс именных форм, класс глагольных форм и т. д.

Учет специфических особенностей морфемы, названных выше, позволяет думать, что для морфологического описания языка может быть достаточно полезным дистрибутивный анализ. Дистрибуция в традиционной трактовке — структура относительного месторасположения дискретных элементов, которой, в частности, обладает и морфологическая система языка. Дистрибуция каждой отдельной морфемы представляет собой совокупность всех морфемных окружений, в которых она выступает или, иначе говоря, совокупность всех ее положений в отношении других морфем. Идентичность дистрибуции разных морфем свидетельствует об их принадлежности к одному парадигматическому ряду, а идентичность парадигматических рядов может рассматриваться как признак принадлежности к одному грамматическому классу.

III. Не задаваясь целью в настоящей статье показать все приемы и аспекты применения дистрибутивного анализа, мы ограничимся демонстрацией его в самых общих чертах лишь в плане установления основных грамматических типов или классов в современном узбекском языке. Понятно, что подробное описание морфем и их вариантов (алломорф), а также условий, в которых выступают последние, не является нашей целью⁴.

Первый этап дистрибутивного анализа в морфологии — сегментация и интеграция, т. е. выделение в пределах слова (границы которого устанавливаются также при помощи приемов дистрибутивного анализа) всех морфологических сегментов и, если это нужно, всех суперсегментных элементов; применение любой процедуры в плане выражения должно как бы дублироваться применением соответствующей процедуры в плане содержания.

Возьмем любое, обычное для узбекского языка, сочетание морфем в пределах одного слова, например, *тāш-iм-ба* «моему камню». Пользуясь приемами усечения и подстановки, мы можем выделить в нем три морфемы (*тāш-iм-ба*). Возможность добавления других морфем в препозиции *тāш-iм-ба* отсутствует. Совершенно исключена возможность добавления и в крайнее конечное положение. Дополнительные морфемы могут быть вставлены только внутри заданного морфологического типа, например:

<i>тāш-iм-ба</i>	«моему камню»
<i>тāш-лар-iм-ба</i>	«моим камням» и, наконец,
<i>тāш-ча-лар-iм-ба</i>	«моим камешкам»
A 4 3 2 1	

T

[B + (IV + III) + Y]

Анализ приведенных форм показывает, что ни одна из морфем справа, вплоть до последней (A), не обладает возможностью самостоятельного существования и может быть опущена в любой последовательности. Напротив, последняя морфема в определенных условиях функционирует самостоятельно, и изъятие ее недопустимо. Следовательно, в пределах рассматриваемой формы выделяются два компонента, основной и зависимый (в терминах дескриптивной лингвистики: ядро и спутник). Нетрудно заметить, что основной компонент — лексическая морфема, зависимый же компонент — грамматическая морфема или совокупность этих морфем.

В плане элементарной дистрибуции правило разграничения лексической и грамматических морфем может быть сформулировано так: лексическая морфема расположена в начале слова, грамматические морфемы в конце или: лексическая морфема предшествует грамматическим⁵.

* В настоящее время известно небольшое количество работ, в которых исследование и описание отдельных тюркских языков производится с применением новейших методов; см., например: C. F. Voegelin, M. E. Ellinghausen, Turkish structure, «Journal of the American Oriental Society», 63, 1, 1943; C. H. E. Well, A structural analysis of Uzbek, «American council of learned societies. Program in Oriental languages», Publications series B — Aids, 3, Washington, 1955. В последней работе, непосредственно касающейся узбекского языка и формулирующей новую точку зрения по некоторым вопросам грамматики узбекского языка, собственные наблюдения автора, однако, завуалированы сведениями, почерпнутыми из специальной литературы.

⁵ Особого внимания в связи с этим правилом заслуживают разного рода служебные слова и частицы, которые состоят из одной морфемы, являющейся скорее грамматической, чем лексической. Как и грамматические морфемы, служебные слова и частицы находятся в постпозиции к слову, которое они обслуживают. Таким образом, здесь мы, по существу, имеем дело и с лексической, и с грамматической морфемами.

Морфема первого ряда (счет ведется справа налево) выражает падежное значение, второго ряда — значение принадлежности, третьего ряда — значение числа, четвертого — качественные оттенки или особые значения лексической морфемы [между морфемой четвертого ряда и лексической морфемой иногда выступает так называемая конвертирующая морфема, ср. *B + IV + III + y = A*, где *y* — конвертирующая морфема, преобразующая глагольную основу в именную, *B* — исходная глагольная основа, а IV и III — морфемы вторичных (залоговых и отрицательной) глагольных основ, от которых образуется имя].

Порядок расположения грамматических морфем, образующих структуру рассматриваемого типа, последовательно фиксированный. Каждая из предыдущих морфем (начиная с первой) может занимать место любой последующей при полном исключении этой последней. Взаимозаменяемость грамматических морфем разных рядов (первого, второго, третьего и четвертого), например, постановка морфемы *-ba* на место *-lar*, а *-lar* на место *-ba*, не допускается.

Следующий этап — использование приема замены морфем для определения состава форм внутри каждого ряда. Так, для первого ряда оказываются возможными восемь разных форм⁶:

<i>tāš-cha-lar-i-m-0</i>	«мои камешки»
<i>tāš-cha-lar-i-m-niç</i>	«моих камешков»
<i>tāš-cha-lar-i-m-ba</i>	«моим камешкам»
<i>tāš-cha-lar-i-m-ni</i>	«мои камешки»
<i>tāš-cha-lar-i-m-da</i>	«на моих камешках»
<i>tāš-cha-lar-i-m-dan</i>	«от моих камешков»
<i>tāš-cha-lar-i-m-bacha</i>	«до моих камешков»
<i>tāš-cha-lar-i-m-däi</i>	«подобно моим камешкам»,

для второго — пять, ср.

<i>tāš-cha-lar-i-m</i> ⁷	«мои камешки»
<i>tāš-cha-lar-i-niç</i>	«твои камешки»
<i>tāš-cha-lar-i-</i>	«его (их) камешки»
<i>tāš-cha-lar-i-m-iç</i>	«наши камешки»
<i>tāš-cha-lar-i-niç-iç</i>	«ваши камешки»

для третьего — два, см. *tāš-cha-0* «камешек» — *tāš-cha-lar* «камешки»; для четвертого — несколько десятков [-*ta*, -*räk*, -*däi*, -*cha*, -*chi*, -*lik*, -(*i*)*nchi*, -*ciz* и т. д., причем иногда морфема четвертого ряда бывает комплексной, например, -*chilik* (-*chi-lik*), -*cizlik* (-*ciz-lik*) и т. д.].

Грамматические морфемы первого ряда присоединяются к любой лексической морфеме, способной стать компонентом соответствующего структурного типа. Почти то же самое можно сказать и о морфемах второго и третьего рядов. Иначе обстоит дело с морфемами четвертого ряда. Последние характеризуются минимальной сочетаемостью, т. е. количество лексических морфем, выступающих с каждой из грамматических морфем четвертого ряда, является ограниченным. Так, например, морфемы -(*i*)*nchi*, -*ta* выступают с одной группой лексических морфем, -*räk* — с другой, -*däi*, -*chi* — с третьей.

Выходит, что основными компонентами данного морфологического типа являются морфемы первых трех рядов. Мы назовем их относительно постоянными компонентами, в отличие от компонента четвертого ряда, который следует назвать варьирующим. Особое положение занимает кон-

⁶ Изучение синтагматических связей (за пределами слова) показывает, что морфемы первого ряда неоднородны. Одна из них (*-niç*) в большинстве случаев является не формой падежа, а формой двусторонней морфологической связи имен, называемой тюркским изафетом.

⁷ Когда аффиксы принадлежности присоединяются к основе, оканчивающейся на гласный, начальный *i* отсутствует. Таким образом, разновидность указанного аффикса с начальным гласным является вариантом морфемы с консонантным анлатом.

вертирующий компонент, который присоединяется только к лексическим морфемам, не входящим в данный тип или класс, и вводит их в состав структурных образований данного класса; ср. *bâr-iš-lar-i-ga* «их рождение», где *bâr-* «идти» относится к одному структурному типу, а *bâr-iš* «рождение», имеющее конвертирующую морфему *-iš*, — к другому.

В целом морфологические образования 1-го типа могут иметь структуру: лексическая морфема + грамматические морфемы (конвертирующая + варьирующая + относительно постоянные). Совершенно очевидно, что этот морфологический тип — не единственный в узбекском языке.

Для следующего типа, структурное своеобразие которого определяется аналогичными приемами, характерно наличие особых рядов, ср.

<i>jâz-đîr-ma-đi-m</i>	«я не поручал [ему] писать»
<i>B IV III II I</i>	
$\overline{\begin{array}{c} \top \\ [A+x] \end{array}}$	

И в этом случае самостоятельно может выступать крайняя морфема слева, т. е. лексическая морфема. Морфема первого ряда выражает значение лица и числа, второго ряда — модус (наклонение), третьего ряда — отрицание/утверждение, четвертого ряда — качественные оттенки лексической морфемы (туркские залоги). В пределах данного типа без нарушения грамматической целостности в непоследовательном порядке могут быть изъяты первая, третья и четвертая морфемы. При этом каждая морфема, начиная с морфемы второго ряда, при опущении предыдущей морфемы, может занимать ее место, ср. например, *jâz-đîr-đi*, *jâz-đîr-ma*, *jâz-ma-đi*, *jâz-đi* и т. д. Изъятие морфемы второго ряда возможно лишь после изъятия морфемы первого ряда. Отсюда нетрудно заключить, что присутствие морфемы первого ряда для данного структурного типа строго обусловлено наличием морфемы второго ряда. Взаимная перестановка морфем не допускается.

Приемом замены морфем определяем состав парадигматических рядов. Для первого ряда оказываются возможными 6 вариантов:

<i>jâz-đîr-ma-đi-m</i>	«я не поручал [ему] писать»
<i>jâz-đîr-ma-đi-ñ</i>	«ты не поручал [ему] писать»
<i>jâz-đîr-ma-đi-0</i>	«он не поручал [ему] писать»
<i>jâz-đîr-ma-đi-k</i>	«мы не поручали [ему] писать»
<i>jâz-đîr-ma-đi-ñiø/ñlar</i>	«вы не поручали [ему] писать»
<i>jâz-đîr-ma-đi-lar</i>	«они не поручали [ему] писать»

для второго — четыре:

<i>jâz-đîr-ma-0/bîn</i>	«не поручай [ему] писать»
<i>jâz-đîr-ma-đi</i>	«он не поручал [ему] писать»
<i>jâz-đîr-ma-ca</i>	«если он не поручит [ему] писать»
<i>jâz-đîr-ma-baj</i>	«он, возможно, не поручит [ему] писать»

для третьего — два:

<i>jâz-đîr-0/bîn</i>	«поручи [ему] писать»
<i>jâz-đîr-ma/bîn</i>	«не поручай [ему] писать»

для четвертого — пять:

<i>jâz-0/bîn</i>	«пиши»
<i>jâz-đîr-8</i>	«поручи [ему] писать»
<i>jâz-il</i>	«будь написанным (кем-либо)»
<i>jâz-iñ</i>	«будь написанным (самим собой)»
<i>jâz-iñsh</i>	«напишите совместно» или «пишите друг другу, переписывайтесь».

Морфемы первого ряда в сочетании с морфемами второго ряда, без которых они не могут употребляться, присоединяются к любой лексической морфеме, способной стать компонентом данного типа. Почти так же

⁸ Эта морфема может быть комплексной, например, *jâz-đîr-m*

обстоит дело и с морфемами других рядов, так что во втором типе все грамматические морфемы являются относительно постоянными. Структуру образований 2-го типа представляем так: лексическая морфема + грамматические морфемы (конвертирующая + относительно постоянные).

Второй морфологический тип имеет три разновидности, из которых первая была только что рассмотрена выше. Вторая разновидность отличается от первой особым составом морфем первого ряда и отсутствием морфем второго ряда, см.

<i>jəz-dip-ma-0-0/biñ</i>	«не поручай [ему] писать»
<i>jəz-dip-ma-0-ч/цз/члар</i> ⁹	«не поручайте [ему] писать»
<i>jəz-dip-ma-0-jin</i>	«не буду-ка поручать [ему] писать»
<i>jəz-dip-ma-0-jlik</i>	«не будем-ка поручать [ему] писать»
<i>jəz-dip-ma-0-сун</i>	«пусть не поручает/не поручают [ему] писать»

третья — особым составом морфем 1-го и 2-го рядов, ср. для 1-го ряда:

<i>jəz-dip-ma-j-man</i> ¹⁰	«я не буду поручать [ему] писать»
<i>jəz-dip-ma-j-san</i>	«ты не будешь поручать [ему] писать»
<i>jəz-dip-ma-j-di</i>	«он не будет поручать [ему] писать»
<i>jəz-dip-ma-j-miz</i>	«мы не будем поручать [ему] писать»
<i>jəz-dip-ma-j-ciz/cizlar</i>	«вы не будете поручать [ему] писать»
<i>jəz-dip-ma-j-di(lar)</i>	«они не будут поручать [ему] писать»

для второго ряда:

<i>jəz-dip-ma-j-man</i>	«я не буду поручать [ему] писать»
<i>jəz-dip-ma-b-man</i>	«я не поручаю [ему] писать»
<i>jəz-dip-ma-jan-man</i>	«я не поручаю [ему] в настоящее время писать»

Без морфемы первого ряда третья разновидность второго типа (первые две формы) обнаруживает особые синтагматические свойства: употребляется как форма неполной вербальности (ср. деепричастие в функции зависимого сказуемого) или как компонент так называемых аналитических образований лексического и грамматического типов (ср. *alip chikti* «он вынес», *jaza almadı* «он не смог написать», *jikila jazdi* «он чуть не упал»).

Другие морфологические типы в узбекском языке проследить не удается, однако есть некоторое количество слов, которое не относится ни к 1-му, ни ко 2-му типам и которое характеризуется нераздельным единством лексической и грамматических морфем, наличием единой словоформы. По этому признаку такие слова можно условно выделить в третий морфологический класс. В общем три выделенных нами основных морфологических класса в узбекском языке соответствуют тому, что в традиционной грамматике называют именем, глаголом и наречием.

Схематически морфологическую систему узбекского языка можно изобразить так:

1-й тип *A* [*B* + (*IV* + *III*) + *y*] + 4+3+2+1
2-й тип *B* [*A* + *x*] + *IV* + *III* + *II* (*a* + *b* + *c*) + *I* (*a*₁ + *b*₁ + *c*₁)
3-й тип *C*

П р и м е ч а н и е. Перечеркнутые стрелки означают, что морфемы могут изменяться и справа налево и слева направо, но что возможность взаимных перестановок их исключена.

Основные, или общие, грамматические классы включают в себя зависи-

⁹ В положительной форме (без морфемы *-ma*) используется соединительный гласный *i* и, таким образом, морфема первого ряда выступает в виде *-in/-içiz-içlар*. Что касается морфем *-jin* и *-jlik*, то без морфемы *-ma* они выступают в виде *-ajin* и *-ajlik*.

¹⁰ В положительной форме *j* заменяется *a*. Во всех случаях стечения трех согласных на границе разных морфем используются соединительные гласные, ср. *jəz-dip-ma-b-man* «я не поручаю [ему] писать» и *jəz-dip-i-b-man* «я поручаю [ему] писать».

мые, или менее общие, классы, т. е. подклассы, установление которых производится также при помощи дистрибутивного анализа.

Так, первый класс имеет два подкласса:

$$\begin{array}{c} A + 4+3+2+1 \text{ и} \\ B + (\text{IV} + \text{III}) + \underline{y} + 4+3+2+1, \end{array}$$

которые различаются типом лексической морфемы (во втором подклассе присутствует конвертирующая морфема и возможно включение в именную основу некоторых морфем, характерных для глагола). Первый подкласс класса имен — собственные имена, второй подкласс — отглагольные имена. Продолжая анализ, мы могли бы выделить далее в подклассе собственно имен несколько разрядов, отличающихся друг от друга составом морфем четвертого ряда (ср. в традиционной грамматике: словообразовательные морфемы). Как уже указывалось выше, морфемы четвертого ряда образуют группы, каждая из которых имеет ограниченную сочетаемость с лексическими морфемами именного класса. Например, морфемы *-(i)нчи*, *-та*, *-(a)ла*, *-дв* присоединяются только к лексическим морфемам, обозначающим число (иначе говоря, — к количественным числительным), например: *иккінчі* «второй», *иккіта* «два» (так называемые штучные числительные), *иккала* «двоое», *иккав* «двоев». Таким образом, есть основания говорить о числительных как об особом морфологическом разряде внутри подкласса имен. Особый набор морфем четвертого ряда выделяет также другие морфологические разряды — существительное и прилагательное. Довольно значительная группа лексических морфем именного класса вообще не сочетается с грамматическими морфемами четвертого ряда и по этому негативному признаку может быть выделена в самостоятельный морфологический разряд — местоимение.

Итак, имя как основной морфологический класс противостоит только глаголу и наречию, тогда как местоимение, числительное и т. д. являются лишь отдельными разрядами одного из подклассов имени. Аналогичный вывод на материале других языков был сделан Ф. Ф. Фортунатовым¹¹.

Подклассы глагола — формы полной вербальности (с морфемами лица и числа, т. е. первая и вторая разновидности второго морфологического типа) и формы неполной вербальности (без морфем лица и числа, т. е. третья разновидность второго морфологического типа).

Особого внимания заслуживает третий класс — наречие. Поскольку наречие в морфологической классификации выделяется только негативным признаком (отсутствием живой морфологической структуры), установить в нем какие-либо морфологические подклассы невозможно. Только переход к широкому синтагматическому плану (т. е. выход за пределы слова) позволяет обнаружить в составе рассматриваемого класса две различные группировки — синтаксические подклассы: самостоятельные наречия (собственно наречия, образные слова, междометия) и служебные наречия (послелоги, союзы, частицы). Несколько допустима в данном случае замена морфологического критерия синтаксическим, — решить пока трудно, но не вызывает сомнений то, что наречные подклассы и разряды нельзя поставить в один ряд с таковыми имен и глагола.

• IV. Приведенная выше схема не отражает всех деталей морфологии, но она дает довольно полное представление о морфологической структуре узбекского языка в целом и о структуре каждого типа (класса) в отдельности. Данная схема имеет и чисто познавательное и прикладное значение, являясь вспомогательным средством при исследовании языка.

Для наглядности рассмотрим спорные случаи узбекской грамматики.

¹¹ Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языкознание, стр. 166.

ки, — форму с аффиксом-*бача* (форма предела), с аффиксом -*дäк* (форма уподобления) и с аффиксом -*ган* (перфективное причастие).

Форму на -*бача* почти все тюркологи помещают вне падежной парадигмы и относят ее к наречиям. Между тем в современном узбекском языке аффикс -*бача* имеет в основном такую же модель дистрибуции, как любая морфема первого парадигматического ряда именного класса, т. е. как любой падежный аффикс. Мы говорим «в основном», потому что обнаруживаются некоторые признаки обособления рассматриваемой формы: ограничения в сочетаемости или отсутствие сочетаемости аффикса -*бача* с такими разрядами имени как причастие, местоимение, вообще довольно редкое употребление этого аффикса и т. д. В связи с данным случаем необходимо иметь в виду, что в ходе развития языка происходит постепенное передвижение морфем, обособление их, и, чаще всего, отмирание активных структурных связей между морфемами, вызываемое процессом адвербализации. Известно, например, что некогда морфема -*їн* была продуктивным аффиксом орудного падежа, в настоящее же время морфологические образования, включающие ее, полностью перешли в класс наречия (например, *kîshîn* «зимой», *jâzîn* «летом») и стали неразложимыми. Поэтому в любом конкретном случае необходим полный учет всех дистрибутивных данных, позволяющих устанавливать не только принадлежность морфемы к тому или иному ряду, но и характер ее связей с другими морфемами и, прежде всего, с лексической морфемой. Возвращаясь к вопросу о морфеме -*бача*, отметим, что ее связи с лексической морфемой не являются омертвевшими: (возможна интродукция других морфем: *bâş-iṁ-бача* «до моей головы») и что, следовательно, она не выходит за пределы падежной парадигмы, хотя занимает в ней несколько обособленное положение.

Приблизительно так же обстоит дело с аффиксом уподобления -*дäк* (-*daj*), который в восточнотуркестанском и староузбекском языках имел дистрибуцию, сходную с морфемами четвертого ряда, например: *c̄ñi-täk-lär-iz*¹² «подобных тебе», *bîzîң-täk-lär-gä* «таким, как мы»¹³. В современном же узбекском аффикс -*дäк* (-*daj*) не отличается от падежных, присоединяясь ко всем именным разрядам, например: *daftâr-däk* «как тетрадь», *daftâr-lar-iṁ-däk* «как мои тетради». Вряд ли надо доказывать, что отнесение форм на -*дäк* к наречиям необоснованно.

При установлении общеграмматической природы формы на -*ган* возникают колебания в связи с неопределенностью ее типологических признаков, обычно рассматриваемых с точки зрения содержания. Изучение соответствующих дистрибутивных данных показывает, что в этом вопросе возможно лишь одно решение. Форма на -*ган* сочетается с морфемами именного класса и не присоединяет к себе (в постпозицию) ни одной собственно глагольной морфемы. Правда, форма на -*ган* может включать в себя аффиксы так называемых залогов и отрицания, но эти аффиксы никогда не выступают в позиции после аффикса -*ган*: они — элементы глагола, и имя здесь образуется не от первичной, а от вторичной глагольной основы.

В заключение укажем на другие аспекты применения приведенных выше схем. Сравнение морфологической схемы узбекского языка с аналогичным образом разработанными схемами других тюркских языков может служить исходным пунктом для заключений диахронического порядка. Сравнение же морфологических схем неродственных языков (с обязательным использованием единых критериев их построения) могло бы сыграть большую роль в расширении и детализации типологических исследований.

¹² «Kutadgu Bilig» II.— Fergana nüshasi (tipkibasim), İstanbul, 1942, стр. 438.

¹³ Рукопись «Мухаббат-нâме», хранящаяся в Британском музее под шифром Add. 7914, л. 298а (цит. по фотокопии, принадлежащей ЛО ИЯ АН СССР).